

Šindelář, Konstantin

Братя Стругацкие : феномен прогрессорства в мире Полудня

Новая русистика. 2011, vol. 4, iss. 2, pp. [29]-41

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116270>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Константин ШИНДЕЛАРЖ

Братья Стругацкие: феномен прогрессорства в мире Полудня

Strugatsky Brothers: The Phenomenon of “Progressorism” in the World of Noon Universe

The author of the present article deals with the phenomenon of so called “progressorism”, frequently appearing in the books of Arkady and Boris Strugatsky. These Soviet writers have set many of their stories and novels into a fictional universe commonly known as The World of Noon, in which communist concepts and principles were victorious and the humankind, highly developed both morally and technically, starts exploring the galaxy. The term “progressors” refers to earthlings, who secretly strive to facilitate progress of less advanced civilizations. This article reveals that Strugatsky brothers view the very idea of “progressorism” as extremely problematical, since influencing any society’s natural development too often causes more harm than good – both to the affected society and to the “progressors” themselves. The author also finds many parallels of “progressorism” in the real world, e.g. activities of modern “missionaries” in the Third World countries.

Key Words: Arkady Strugatsky; Boris Strugatsky; progressors; progressorism; Soviet science-fiction; Strugatsky brothers; World of Noon

Аркадия Натановича (1925–1991) и Бориса Натановича (1933) Стругацких можно без преувеличения назвать новаторами советской научной фантастики, чьи до сих пор относительно узкие рамки они расширили, открыв неожиданные темы и творческие приемы. Фантастика в СССР долгое время

оставалась лишь средством для изображения идиллического коммунистического будущего и часто отличалась черно-белой антиимпериалистической и антивоенной риторикой. Стругацким удалось «очеловечить» этот жанр, придать ему новую, социальную величину; по их стопам затем пошел целый ряд более-менее известных авторов, причем творческое наследие этих двух писателей не перестает оказывать влияние даже на русскую фантастику последних лет.

Аркадий Стругацкий в 1942 г. чудом пережил эвакуацию из осажденного немцами Ленинграда. Позднее он учился в артиллерийском училище; незадолго до того, как он был послан на фронт, его перевели в московский Военный институт иностранных языков, где он изучал перевод английского и японского языков. Следующие несколько лет он служил переводчиком на Дальнем Востоке, а после возвращения в Москву в 1955 г. работал редактором поочередно в нескольких издательствах. *Борис Стругацкий* окончил математико-механический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «звездная астрономия». Перед тем, как стать профессиональным писателем, он работал в Пулковской обсерватории.

Литературные пути обоих братьев начинались независимо друг от друга, но более крупный успех им принесло только их первое совместное произведение – роман *Страна багровых туч*, который вышел в 1959 г.¹ В то время едва ли можно было предсказать, что авторы этой тоненькой книжки станут самыми любимыми и признанными творцами русской фантастики 20-го века; впрочем, несмотря на ряд недостатков, уже этому первому творению присуще столь свойственное Стругацким очарование. Трудно точно сформулировать, в чем оно заключается: то ли в выразительных, живо выписанных образах, то ли в концепции героизма, который (пусть и не без некоторого пафоса) представлен не как однократный героический акт, а как ежедневный каторжный труд.

После первого романа появлялись следующие, все более проработанные и изобретательные. В начале своего творческого пути братья Стругацкие были невероятно продуктивны. В течение следующих трех лет вышло пять их книг, причем в каждой из них братья достигали качественно нового твор-

¹ Возникает законный вопрос, каким же образом складывалось это братское сотрудничество. Аркадий при жизни опровергал распространенное среди читателей мнение, что именно он, филолог по образованию, стоит за неповторимым авторским почерком Стругацких, в то время как Борис, астроном, является неким «источником тем». Тем не менее, разница между стилем тех книг, которые подписаны обоими братьями, и тех, что после 1991 г. однозначно писал один Борис, свидетельствует о том, что творцом литературной ценности всего наследия Стругацких, по всей вероятности, действительно был скорее Аркадий.

Братья Стругацкие: феномен прогрессорства в мире Полудня

ческого уровня. Не удивительно поэтому, что количество читателей их произведений год от года росло.

Хотя братья Стругацкие – в отличие от ряда современных писателей-фантастов – никогда не тяготели к написанию бесконечных романских серий или саг, один масштабный цикл в их творчестве выделить все-таки возможно. Речь идет о так называемом мире Полудня (свое название он получил по заглавному рассказу авторского сборника *Полдень, XXII век*). К циклу относятся, в общей сложности, четырнадцать повестей и романов, в которых охватывается временной период с конца 20-го до начала 23-го века. С миром Полудня неразрывно связана проблематика так называемого «прогрессорства», которой, прежде всего, и будет посвящен данный текст. Она играет ключевую роль в ряде романов Стругацких, в большинстве из которых действие разворачивается именно в мире Полудня.

Отдельные произведения цикла связаны между собой как общей атмосферой и взглядом на мир, так и некоторыми персонажами; вообще же, их объединение является относительно свободным. Главный герой одной книги может быть лишь вскользь упомянут в другой, а самый короткий рассказ может быть совершенно независимым, и вполне возможно читать его отдельно.

Очень разнообразен и материал отдельных книг. В своих ранних произведениях Стругацкие описывают, главным образом, тяжелые будни космонавтов и планетологов будущего, тогда как позднее они сосредотачиваются, скорее, на этических и общественных проблемах. А их в мире Полудня (не взирая на его кажущуюся утопичность) существует целый ряд – нередко столь сакраментальных, что непоправимо расстраивается и устойчивая психика «лучших людей из светлого будущего».

Это «светлое будущее» является в подаче Стругацких по-настоящему коммунистическим. Именно победа коммунизма, вместе с технологическими достижениями 21-го и 22-го века, решили на Земле проблему истощения природных ресурсов и избавили человечество от необходимости физической работы, что вообще вылилось в отказ от рыночных отношений и в отмену денег. В рассказе *Моби Дик* (1962) мы сталкиваемся с таким описанием этого времени: «Сейчас больше нет некоммунистов. Все десять миллиардов – коммунисты... Но у них уже другие цели. Прежняя цель коммуниста – изобилие и душевная и физическая красота – перестала быть целью. Теперь это реальность» (с. 300).

На Земле 22-го века царит глобальная технократия, во главе которой стоит так называемый Мировой совет – главный законодательный и исполнительный орган объединенного человечества. Его членами являются известнейшие ученые, философы, историки и стратеги (причем 60% из них составляют учителя и врачи). Мировой совет, как правило, занимается

решением вопросов, касающихся всей галактики, при этом передавая местное управление меньшим, планетарным Советам.

Воспитание нового поколения в мире Полудня практически полностью институционализировано – наибольшее пространство Стругацкие предоставляют этой проблематике в романе *Жук в муравейнике* (1980). Здесь мы узнаем, что общепринятой нормой в обществе является воспитание детей с 5–6 лет в интернатах; необходимо подчеркнуть, что на родителей, которые отказываются поместить своих отпрысков в одно из таких учреждений, смотрят с непониманием (пусть и не подвергают их никакому преследованию). Способом, который не описывается более подробно, детей удастся воспитать так, что из них вырастают высокоморальные личности. Воспитанием занимаются исключительно профессиональные, специально отобранные и обученные Учителя. Выбор будущей профессии в мире Полудня имеет строго научную базу. Молодые люди проходят тщательное медицинско-психологическое обследование, на основании которого для каждого разрабатывается рекомендация на выполнение конкретного вида профессиональной деятельности. Совершение ошибки при этом обследовании считается тяжким проступком, ибо оно может негативно повлиять (и зачастую влияет, как следует из книги) на всю дальнейшую судьбу обследуемого.

Здесь необходимо отметить, что мир Полудня, в общем всеми любимый, в то же время бывает и мишенью для критики как некоторых читателей, так и других писателей, которые описывают в своих произведениях его альтернативы, а порой даже пародируют его. Например, современный русский прозаик и поэт Юрий Леонидович Нестеренко считает общественное устройство мира Стругацких фашистским, что он доказывает, в частности, существованием в этом мире тайной полиции, подавлением диссидентов или запретом свободного развития науки.²

Сам мир будущего, однако, остается у Стругацких как бы на заднем плане – это скорее дополнение, лишь частично прорисованный фон сюжета, а не его средоточие, как это нередко бывает в сегодняшней фантастике. Более того, сами авторы нередко говорили о нем как о воображаемом мире, где они сами хотели бы жить, но который вряд ли когда-то «воплотится в реальность» точно так, как это описано в их романах. И конечно, тем большее внимание они уделяли своим персонажам, которые практически ничем – может быть, за исключением некоторых моральных принципов – не отличаются от современных людей (и в которых современные люди без труда узнают самих себя).

² Полный текст его статьи *Слепящий свет полудня, или Фашизм братьев Стругацких* можно найти, например, здесь: http://fan.lib.ru/n/nesterenko_j_1/text_0570.shtml.

Братья Стругацкие: феномен прогрессорства в мире Полудня

К тому же, отдельные герои мира Полудня, как уже было сказано, часто не «связаны» лишь одним романом. Из следующих книг читатель узнает (нередко как бы между прочим) о том, как складывались их судьбы, кто из героев погиб и кто с чем столкнулся в дальних странствиях. Такое «возвращение героев романа» помогает авторам вызвать большее доверие к сюжету и сделать произведения более правдоподобными. Герои уже становятся для читателя старыми знакомыми; даже в тех случаях, когда в их жизни появляется незаполненный пробел, авторы ведут себя так, словно это чуть ли не общественный проступок – не знать все факты из их жизни, как будто речь шла о наших реальных современниках, о которых известно все любому ребенку.

Вполне возможно, что наиболее значительной темой, которую принес с собой мир Полудня, является феномен так называемого *прогрессорства*. Речь идет о термине, придуманном самими Стругацкими: прогрессоры – это земляне, которые в далеком будущем изучают жизнь иных, в общественном и техническом отношении менее развитых цивилизаций, а иногда с помощью своей «божественной силы» подключаются к процессу их развития с целью направить и ускорить его (по моделям, разработанным на основе собственных исторических ошибок). Здесь необходимо отметить, что мир Полудня выделяется среди прочих фантастических вселенных и тем, что он совершенно лишен каких-либо империалистических идей. Ни одна из известных галактических рас не посвящает себя (и очевидно, никогда и не посвящала) строительству империи. Вместо этого они держатся вблизи родных планет, и лишь те из них, что более развиты в техническом плане (в первую очередь именно земляне), позволяют себе вмешиваться в дела других планет. Нужно подчеркнуть, что это вмешательство распространяется только на человеческие цивилизации (похоже, правда, что именно их в галактике большинство), тогда как при связи с негуманоидными цивилизациями Земля ограничивается лишь поддержанием дипломатических отношений.

Проблематику вторжения в ход истории неземных культур Стругацкие открыли уже в повести *Попытка к бегству* (1962), в которой тройка космических первопроходцев обнаруживает неизвестную планету с деспотическим правительством, жестокими законами и даже с чем-то, что заметно напоминает концлагеря. Здесь авторы в первый раз ставят основополагающий, моральный вопрос прогрессорства: имеет ли право какая-то группа людей, пусть даже располагающая исключительными техническими средствами, пусть даже полная самых гуманных помыслов, влиять на развитие целой цивилизации? И останутся ли при этом представители такой цивилизации людьми или станут всего лишь бездушными марионетками?

К подобной теме Стругацкие вернулись в более поздней повести *Парень из присподней* (1974). В ней земные ученые уносят с планеты, которая

находится на уровне раннего средневековья и сотрясается от суровых войн, молодого раненого солдата. Они излечивают его и воспитывают так, чтобы с его помощью можно было воздействовать на общество, к которому он принадлежит. Попытка, однако, оказывается неудачной: юношу опять затягивает вихрь войн, причем от всех остальных его отличает лишь то, что он хотя бы иногда способен проявлять сочувствие.

Вообще, наибольший акцент на социальном аспекте прогрессорства Стругацкие сделали в переломном для их творчества романе *Трудно быть богом* (1964). Сотрудники так называемого Института экспериментальной истории, замаскированные под коренных жителей, работают на средневековой планете Арканар, где пытаются спасти лучших представителей местного человечества от физической (и нравственной) ликвидации. Землянам, однако, запрещено любое применение силы, и потому их деятельность не всегда успешна: на одну спасенную жизнь приходится десятки, если не сотни уничтоженных. Итак, работники Института должны принять нелегкое решение: вмешаться и таким образом навсегда изменить ход арканарской истории или просто наблюдать, как мракобесный режим губит ученых, художников и поэтов.

Главный герой романа – Антон, который на планете выступает в роли дворянина Руматы, – в конце концов, вопреки предостережениям более опытных коллег, не выдерживает простого наблюдения. Так же как и некоторые другие сотрудники Института, под гнетом обстоятельств он начинает решать проблемы на Арканаре с оружием в руках. Хотя ясно, что такой сбой в отдельном индивидууме, если это можно так назвать, не только ничего не улучшит, но, наоборот, принесет лишь страдания и беды, – так же как и во всех предыдущих случаях – Стругацкие не скрывают ни своей симпатии к Антону и ему подобным, ни своего понимания их поступков. Они видят в них напоминание для действительной жизни, что даже насквозь хороший и гуманный человек (а земляне мира Полудня являются как раз таковыми) не выкован из железа и способен вынести хоть и многое, но не все. Одного разума и логического мышления, следовательно, не достаточно – всегда нужно учитывать человеческий фактор, чувства прогрессоров, потому что иначе и глубоко гуманные принципы в определенных ситуациях могут стать бесчеловечными. Таким образом, возникает следующий вопрос, связанный с прогрессорством: имеет ли вообще смысл заниматься им, когда польза от него более чем спорна, зато вреда можно причинить в избытке?³

³ Здесь следует упомянуть о заявлении Бориса Стругацкого (например, в интервью на сайте <http://rusf.ru/abs/int0062.htm>), что ни Румата-Антон, ни остальные сотрудники Института экспериментальной истории в действительности не прогрессоры. «Во времена Руматы, – говорит Борис Стругацкий, даже такого понятия – «прогрессор» – не было в употреблении. Румата – наблюдатель, нарушивший законы и нормы поведения наблюдателей».

Братья Стругацкие: феномен прогрессорства в мире Полудня

Каков, по Стругацким, личностный профиль «профессиональных прогрессоров», какие требования предъявляются к тем, чье призвание – воздействовать на судьбу иных планет? Одним из них является и Рудольф Сикорски из романа *Обитаемый остров* (1969). Он и ему подобные всегда действуют скрыто, осознавая возможность ксенофобии со стороны местного населения. Об их личности известно лишь горстке наиболее талантливых ученых и самых надежных политических вождей. Работа прогрессоров, в сущности, не слишком отличается от работы сегодняшних шпионов, которые стараются внедриться в структуру иностранного государства. На основании детально проработанной фиктивной биографии – некоей «легенды о происхождении» – они участвуют в повседневной жизни как одни из местных. А так как прогрессоры – это обычные земляне (хотя и особым образом избранные), плановики отдельных миссий должны рассчитать совместимость жизненных ценностей, норм и стереотипов прогрессоров с местными традициями, поведением и мировоззрением. Для достижения необходимой степени такой совместимости прогрессоров подвергают процедуре, о которой Стругацкие пишут как о «психическом кондиционировании». Подробного описания сути этой процедуры нет ни в одной из книг; но, судя по отдельным упоминаниям, она включает в себя, в частности, моделирование ситуаций, в которых прогрессор может оказаться в процессе своей деятельности, а также тренировку адекватных реакций. У прогрессоров подавляется естественная брезгливость и нетерпимость по отношению к неуместному поведению окружающих, по отношению к грубости и проявлениям насилия; и наоборот, им прививаются принципы, типичные для того конкретного общества, в котором им предстоит работать. После возвращения на Землю каждый прогрессор проходит процедуру «рекондиционирования», во время которой его психика возвращается в исходное состояние.

О причинах возникновения феномена «профессионального прогрессорства» Стругацкие говорят устами одного из своих героев, Леонида Горбовского, в конце романа *Волны гасят ветер* (1986). Прогрессорство здесь понимается как «плач о своем прошлом» (с. 238): землянам тяжело видеть, как им подобные, просто менее развитые, цивилизации снова и снова повторяют одни и те же хорошо известные трагические ошибки. Естественно, что они пытаются спасти своих «младших братьев» от напрасных потрясений и катастроф и сделать их путь к «совершенной цивилизации» более прямым и не столь тернистым.⁴

⁴ Как уже было замечено, идея прогрессорства в мире Полудня, судя по всему, свойственна не одним лишь людям. Загадочная и чрезвычайно развитая цивилизация Странников, неких богов мира Полудня, очевидно, тоже регулирует развитие младших цивилизаций – включая земную. Однако деятельность Странников, по

Менее возвышенный взгляд на возникновение социального слоя прогрессоров предлагает роман *Обитаемый остров*. Стругацкие, очевидно, хорошо осознавали, что жизнь во времена Полудня рода человеческого, когда бурное развитие науки и техники помогает удовлетворять основные потребности каждой личности, содержит один большой риск – а именно скуку. Да, у некоторых достаточно способностей для того, чтобы пробиться в академическую иерархию, у других – есть талант, чтобы стать знаменитыми художниками. И все же остается огромная масса тех нравственных, совершенных людей, которым в материальном отношении всего хватает, – и этому остатку нужно себя чем-то занять. Многим достаточно того, что они могут посвятить себя какой-то несложной работе, такой, как надзор за роботами и приборами; но, разумеется, находятся и те, которые хотят от жизни чего-то большего. К сожалению, намного большего их жизнь предложить им не может – конечно, за исключением экспедиций. Вот так люди, зачастую молодые, неопытные и даже сами не вполне осознающие, чего они, собственно, хотят, отправляются исследовать отдаленные планеты и уголки космоса. При этом они, понятно, то тут, то там входят в контакт с неизвестными цивилизациями. Что из этого вытекает? «Представители» Земли относятся не к цвету человечества, а к его посредственному уровню – вместо ученых, учителей или дипломатов на чужие планеты вступают, по сути говоря, туристы. А как нам хорошо известно по сегодняшнему времени, с позиции туриста иную культуру невозможно ни познать, ни тем более понять. Роман *Обитаемый остров* описывает непосредственное завершение этого периода «спонтанного прогрессорства». Максим Каммерер (о котором пойдет речь ниже) на планете Саракш из рассеянного юнца превратится в мужчину, но среди подобных себе он, скорее, светлое исключение. Вообще же, результаты любительских контактов с неизвестными цивилизациями более чем спорны и даже приводят к трагическим инцидентам.

Это подтолкнуло правящий земной Совет к тому, чтобы институционализировать прогрессорство (так же, как в свое время – воспитание детей). Туристические поездки в неизученные части галактики были ограничены; было узаконено «профессиональное прогрессорство» со своими правилами и принципами. От стратегии радикальных вмешательств вскоре отказались, что на практике означало, что феодальные и раннекапиталистические цивилизации должны быть направлены по «коммунистическому вектору развития» не силой, а незаметным, но постоянным давлением, которое включало бы в себя как можно меньше кровавых общественных изменений, а также постепенное технологическое развитие.

всей вероятности, намного более эффективна, и, в сущности, ее нельзя обнаружить человеческими средствами.

Братья Стругацкие: феномен прогрессорства в мире Полудня

Здесь нужно подчеркнуть значение масштабных, всеобщих теорий в мире Полудня. Огюст Конт только обещал, что докажет существование «законов общественного развития столь же однозначных, как законы падающего камня», а в мире Полудня эти законы были открыты и действуют (или, по крайней мере, считаются действующими). Это объясняется бурным развитием всех наук – т. е. не только естественных, но и социальных – в минувших двух столетиях. Например, педагогика пришла с Теорией воспитания (на основе которой дети специализированно воспитываются в интернатах), тогда как историографией овладела именно теория общественного развития. Она поистине всеохватна: в нее можно включить практически любое событие или явление, причем останется пространство и для так называемых аномалий. Согласно этой теории, любое человеческое общество проходит одни и те же этапы развития, когда первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный и капиталистический строй постепенно сменяют друг друга, чтобы наконец прийти к (очевидно, неизбежной) победе коммунизма. Все действия прогрессоров должны соответствовать этой теории; ядро всей их деятельности, таким образом, заключается де-факто в том, чтобы ускорить приход коммунизма. Далее, теория помогает им предсказывать исторические перемены и зарождение общегражданских явлений, к которым они затем могут подготовиться и легко их регулировать (или им воспрепятствовать). Теория и вера в нее, возможно, даже имеют что-то общее с астрологией; прогрессор часто напоминает астролога, который – если случится нечто, чего он не предвидел, – снова смотрит в ночное небо, после чего хлопает себя по лбу и говорит: «Как же только я мог этого не заметить, ведь это было здесь все это время!» Однако цепляться за одну-единственную теорию и пытаться загнать все в одни рамки, даже если при этом все трещит по швам, бывает пагубным для любой научной отрасли, которой это касается, – а такое, к сожалению, происходит далеко не в одном лишь мире братьев Стругацких.

Прогрессоры твердо убеждены в правильности теории (иначе они не могли бы выполнять свою работу). Они действуют без колебаний и угрызений совести. Они не могут и, собственно говоря, даже не имеют права сомневаться в верности конечной цели, к которой они ведут порученную им цивилизацию. Однако без ответа остается вопрос, что произошло бы в том случае, если бы в теории обнаружилась какая-то более серьезная трещина (а небольших в ней было не счесть – хотя бы неожиданная фашистская революция на возрожденческом Арканаре): например, если бы оказалось, что коммунизм – удел исключительно землян, а вовсе не всех обитателей галактики. Осознание того, что цель их стараний ошибочна, должно было бы поистине сокрушить нравственных и этических прогрессоров.

Вернемся все же к самой прогрессорской деятельности. Среди героев Стругацких есть один, который является доказательством того, что сильная

воля и доброе сердце часто способны на большее, чем самая лучшая подготовка и «психическое кондиционирование». Имеется в виду уже упомянутый выше Максим Каммерер, герой романа *Обитаемый остров*, который занимает среди прогрессоров совершенно особое место. В общем-то, он даже и не является настоящим прогрессором – он всего лишь жертва обстоятельств. Этот «прогрессор по принуждению» вовсе не «бог», спустившийся с небес в мир смертных. После аварии своего космического корабля он волей-неволей становится частью истории планеты Саракш. Он здесь не на экскурсии и не выполняет какое-то задание – здесь он дома. Правда, его сила и выносливость превышают силу и выносливость местных, но это единственное, что его от них отличает. Им не руководят никакие возвышенные, вневременные, благородные побуждения – только желание, чтобы его дом был как можно лучше. Тот факт, что своей деятельностью он невольно мешает профессионалам и даже срывает их планы обновления порядка на планете, не играет в данном контексте никакой роли. Максим в самом деле рискует жизнью, не рассчитывая при этом ни на какую помощь или поддержку с Земли, и это обстоятельство делает его поведение (в отличие от поведения «профессиональных прогрессоров») в высшей степени этичным. Максим собственными страданиями заслужил право совершать поступки и выступать от имени всех обитателей Саракша, и потому именно он при своей заключительной встрече с «профессиональным прогрессором» Рудольфом Сикорски одерживает бесспорную моральную победу.

Найти аналогию прогрессорству в реальной истории совсем не сложно. Прогрессором в широком смысле слова может быть каждый, кто старается внести в общество изменения, каким-то образом его «расшевелить», продвинуть вперед. С этой точки зрения прогрессорство симптоматично и для русской истории, которую определенно можно обозначить как непрерывную: периоды застоя в ней чередуются с неожиданными «скачками вперед». Прогрессором здесь с равным успехом можно было бы назвать Петра Великого или Владимира Ильича Ленина. Тем не менее, примером, который еще лучше отображает концепцию прогрессоров у Стругацких, является деятельность людей из более развитых (в каком угодно отношении) государств в странах так называемого «третьего мира». «Миссионеров» из более передовых стран часто обвиняют в том, что их действия мотивированы не альтруистическими соображениями, а, прежде всего, материальной выгодой (геополитическая прибыль, доступ к природным ресурсам и т. д.). Впрочем, и о тех, которые в самом деле действуют бескорыстно, нельзя сказать, что их деятельность не проблематична. Своим вмешательством они (часто произвольно) влияют на общество, в котором трудятся: препятствуют его естественному развитию и лишают его самобытности. Хотя Стругацкие и делают весьма яркий акцент на искренних гуманных целях про-

Братья Стругацкие: феномен прогрессорства в мире Полудня

грессоров, в своих книгах они все же неоднократно показывают, что поведение прогрессоров в свете такой интерпретации может оцениваться, по меньшей мере, неоднозначно.

Стругацкие были слишком хорошими писателями для того, чтобы навязывать читателю свою точку зрения, – они оставляют ее, чтобы читатель сформировал свое собственное мнение о прогрессорстве и его смысле. Тем не менее, их точка зрения, заключающаяся в том, что прогрессорство приносит больше вреда, чем пользы, то там, то здесь все-таки появляется на страницах их книг.⁵

Отношение остальных земель из мира Полудня к прогрессорам очень хорошо отражено в книге *Жук в муравейнике*. Его можно было бы сравнить с отношением значительной части нынешних людей к представителям органов правопорядка, в котором доля умеренного опасения смешана с долей умеренного нежелания. Большинство населения, конечно, признает, что эти люди делают важную и нужную работу, но при этом предпочитает не иметь ничего общего ни с этими людьми, ни с их работой. Главной причиной такого отношения может быть тот факт (как Стругацкие намекают устами Максима Каммерера), что прогрессоры вынуждены выходить за пределы морали, на которой построено земное общество. Это дает почву для формулировки более общего вопроса: допустимо ли вообще, чтобы некое общество создавало институты, сама суть которых требует от некоторых их членов преступать границы морали? На этот вопрос Стругацкие не дают однозначного ответа (хотя он и напрашивается) и опять оставляют решение за читателем.

Положительно относиться к прогрессорам, конечно, не обязательно должны и те, на кого непосредственно распространяется их деятельность (то есть те немногие, кто вообще знает об их существовании). Зачастую от них ускользает сам смысл прогрессорской деятельности, им не понять ее ограничений, им чужда земная мораль. Это непонимание (или как раз наоборот – понимание?) прогрессорства нередко приводит даже к отказу от протянутой «руки помощи», обоснованному тем, что каждый должен быть строителем своего будущего и должен иметь право даже на ошибки и заблуждения. Одним-единственным словом «Уходите отсюда, дон Румата, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите!» (с. 215) это резюмирует арканарский революционер Арата Красивый в разговоре с Антоном-Руматой – может быть, в самом значительном эпизоде романа *Трудно быть богом*.

Во времена, когда братья Стругацкие писали свои романы о мире Полудня, две сверхдержавы инвестировали огромное количество людских и мате-

⁵ Например, Леонид Горбовский в книге *Волны гасят ветер* говорит: „Цивилизации так же нелепо заниматься прогрессорством, как нам сейчас учреждать курсы для подготовки деревенских дьячков...“ (с. 238).

риальных ресурсов, чтобы распространить представление о лучшем мире: каждая – свое собственное. Люди, сами далекие от совершенства, играли роль «прогрессоров», чтобы переделывать эти «незавершенные миры» по своим собственным, идеализированным моделям. Биполярный мир уже в прошлом, но идея «прогрессорства» продолжает жить: всякий раз находится достаточное количество тех, кто хотел бы привести народы, не познавшие «плодов свободы», к желанному образцу развития, общему для всех человеческих поколений. И даже если оставить в стороне вопрос, существует ли вообще такой образец, достижения которого надо добиваться, все равно остается другая – может быть, даже более значимая, – проблема, о которой предупреждают не только Стругацкие в своих книгах, но и непосредственно сама история человечества: она заключается в том, что стремление цивилизовать «варваров» часто приводит лишь к варваризации самих цивилизаторов.

Использованная литература:⁶

- СТРУГАЦКИЙ, А. Н. – СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Волны гасят ветер*. Москва, АСТ, 2007 г.
- СТРУГАЦКИЙ, А. Н. – СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Жук в муравейнике*. Донецк, Сталкер, 2005 г.
- СТРУГАЦКИЙ, А. Н. – СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Моби Дик*. In: *Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты*. Донецк, Сталкер, 2005 г. (текст свободно доступен также на сайте http://lib.ru/STRUGACKIE/r_mobidik.txt)
- СТРУГАЦКИЙ, А. Н. – СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Обитаемый остров*. Москва, АСТ, 2007 г.
- СТРУГАЦКИЙ, А. Н. – СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Парень из преисподней*. Донецк, Сталкер, 2005 г.
- СТРУГАЦКИЙ, А. Н. – СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Полдень, XXII век*. Донецк, Сталкер, 2005 г.
- СТРУГАЦКИЙ, А. Н. – СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Попытка к бегству*. Донецк, Сталкер, 2004 г.
- СТРУГАЦКИЙ, А. Н. – СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Страна багровых туч*. Москва, Эксмо, 2004 г.
- СТРУГАЦКИЙ, А. Н. – СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Трудно быть богом*. Москва, АСТ, 2007 г.

⁶ Следующий список содержит все рассказы, повести и романы братьев Стругацких, которые были процитированы или по крайней мере упомянуты в данном тексте. Год выпуска здесь не имеет никакого отношения к году первого выпуска - это просто год выпуска издания, которое я имел в своем распоряжении.

Братья Стругацкие: феномен прогрессорства в мире Полудня

Общие (или даже можно сказать общеизвестные) данные о жизни и творчестве братьев Стругацких я получил например из книг:
СКАЛАНДИС, А.: *Братья Стругацкие*. Москва, АСТ, 2008 г.
ВИШНЕВСКИЙ Б. Л.: *Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда*. Санкт-Петербург, Terra Fantastica, 2004 г.

